

Л. БАРАНОВОЙ
16 декабря 1963 года.

Дорогая Лариса Баранова, хотя и с опозданием, но все же хочу ответить на Ваше хорошее письмо.

Спасибо Вам за добрые слова о моей работе. Постараюсь и в дальнейшем не обмануть Вашего читательского доверия.

А вот одно место Вашего письма мне показалось неверным. У меня не было такого чувства, что молодежь не способна понять людей моего поколения или что нынешнее поколение молодежи хуже нас, таких, какими мы были в 20—25 лет. Наоборот! Я верю, что, несмотря на все препятствия, время идет вперед, и люди в своей массе делают лучше. Другое дело, что когда тебе под пятьдесят, тебе иногда начинает казаться, что ты со всем тем, что ты пишешь сейчас, скорее обращаешься к людям своего поколения, чем к двадцатилетним. Начинает казаться, что не в твоих возможностях ответить на многие или во всяком случае на часть нынешних душевных запросов молодежи. И, очевидно, в этом чувстве тревоги есть какая-то правда, и именно поэтому, испытывая это чувство, мы, люди старшего поколения, должны особенно заботиться о росте и развитии молодой литературы, литературы Ваших ровесников.

Все то, что я здесь написал, действительно так. Такие мысли посещают меня, и в них есть доля грусти. А в то же время есть и другое чувство — что за спиной накопился какой-то такой жизненный опыт, в частности, опыт таких больших испытаний, как война, о котором можешь рассказать именно ты и рассказать всем, в частности и молодежи. Это мысли уже более радостные, конечно.

Вот так, среди и тех и других мыслей и идет понемножку моя писательская жизнь.

А молодежь сейчас хорошая, уж во всяком случае, ничем не хуже, чем были мы в свое время.

Желаю Вам всего самого хорошего.

Р. Л. КАРМЕНУ

Милый Рима!
Получил твое письмо. На первое не ответил, решив отложить разговор до встречи. Но раз ты едешь — скажу сейчас.

После опыта с «Если дорог...» и с дневниками, я не вижу пока реальной возможности рассказать в кино о первом периоде войны с той хотя бы мерой приближения к правде, которая была, скажем, в «Живых и мертвых». А раз так, то мне не хочется принять участие ни в вольном, ни в невольном, вопреки нашему жизненному опыту и взглядам, приглашении великого подвига нашей страны в те страшные для нее четыре года. А если не показать, из какой глубокой ямы мы выбрались в сорок первом году, то не покажешь и меры подвига, как мы из этой ямы вылезли и в конце концов дошли до Берлина.

Описывать же такую великую войну — великую по ее непомерной тяжести, промямливая для начала что-то малоразборчивое об отдельных упущениях и недостатках — «есть тьма охотников, я не из их числа!» И тебе это, по моему, делать ни к чему.

А сделать по-другому, шире, на войне в целом, можно будет лишь тогда, когда в науке и в обществе возобладает справедливый исторический взгляд на весь ход войны — с начала и до конца. Взгляд, при котором можно действительно показать весь путь и всю огромность пройденной нами дистанции от подлинного июня сорок первого года до мая сорок пятого.

Я стремлюсь в меру своих сил, на своем маленьком участке работы, содействовать возобладанию такого взгляда. Как делать это за письменным столом — знаю: или в печать, или в стол. А как за монтажным — не знаю. Там, при расхождении в точках зрения, в стол не положишь.

Откровенно говоря, я куда более горячо сочувствую плану «Записок современника» (кстати, неплохое название для киноленты) и готов буду всегда поделиться с тобой всеми мыслями, оставшимися еще в моей, заметно поглупевшей за последнее время, голове.

Наблюдение чудес эквилибристки в исторической военной науке, видимо, начинает уже разрушать у меня в башке какие-то центры равновесия. Когда долго смотришь на такую карусель — самого начинает тошнить и хочется закрыть глаза.

За добрые слова о моей книге — спасибо. Сам еще не знаю, как она вышла. Иногда кажется — да, а иногда — нет.

Раз едешь — значит едешь. Хорошо понимаю, что предварительные качания врачей сильно тебе все испортили, но последнее слово за тобой, и раз ты его сказал — остается пожелать тебе доброй работы и хорошего пульса.

Дело, конечно, очень интересное. Только раз уж едешь — по-деловому береги себя, делай только то, чего не могут сделать другие, а все остальное грузи на них.

Жалко, что буду в Москве только двадцать пятого.

Обнимаю заочно.

Если вдруг задержишься — сразу звони, чтобы увидаться.

Жму руку.

Твой

18.VI.71.

Гульрипш.

Е. А. ИСАЕВУ

Дорогой Егор Александрович, начну с формальной стороны дела, имеющей прямое отношение к Вам как к заведующему

редакцией русской советской поэзии издательства «Советский писатель».

В сентябре месяце 1969 года в Вашу редакцию от меня поступила рукопись стихов объемом в пять листов, принадлежавшая перу двух, погибших на фронте писателей: Бориса Лапина и Захара Хацревина.

Посылая рукопись в издательство, я приложил к ней письмо на имя Н. В. Лесючевского, объясняющее характер и содержание рукописи, и написанное мною предисловие. Насколько мне известно, тогда же, в сентябре, рукопись получила первый положительный отзыв, а в январе — второй положительный отзыв. И с тех пор рукопись лежит в издательстве, не издается, а мне, человеку, приславшему ее, так за пять с лишним лет и не сообщено, почему, по каким причинам эта рукопись лежит без движения. Согласитесь, что это совершенно дикий случай, выходящий за пре-

1938 году вышла книга стихов и прозы, название которой было «Луганская тетрадь», а на обложке которой стояли фамилии: Михаил Матусовский, Константин Симонов. Мы вместе написали эту книгу стихов и прозы, в которой были рассказы, стихи и поэма, и издательство не держало ее пять лет в шкафах, а издало ее через несколько месяцев после того, как мы ее представили. Но это уж просто так, кстати, для ясности.

М. А. ПРОКОФЬЕВУ

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!
Хочу обратиться к Вам по одному деликатному вопросу, который, как мне кажется, может потребовать Вашего личного вмешательства.

Дело вот в чем. Мне приходилось в свое время оказывать некоторую помощь товарищам

РАССКАЗЫВАЯ ВСЮ ПРАВДУ...

Несколько писем Константина Симонова, публикуемых в этом номере, — лишь микроскопическая мала часть его трудно обозримого эпистолярного наследия. И как в творчестве, в письмах Симонова Великая Отечественная война занимает главное место. Когда дело касалось войны, памяти о ней, не было для Симонова вещей мало-значущих, все было важно, все он принимал близко к сердцу.

Отвечая незадолго до смерти одному из читателей, он так определил цель своей жизни: «Если говорить о той общественной деятельности, которой я занимаюсь и которая непосредственно связана с моей писательской работой и с моим личным жизненным опытом, то еще несколько лет назад я сделал для себя окончательный выбор и решил до конца своей жизни класть все оставшиеся у меня силы на то, чтобы, во-первых, в меру своих сил и понимания писать и говорить правду о войне; во-вторых, на то, чтобы опять-таки в меру своих сил и понимания, мешать тому, чтобы о ней говорили и писали неправду; в-третьих, стремиться к тому, чтобы роль рядового участника войны, вынесшего на своем горбу ее главную тяжесть, предстала перед последующими поколениями и во всем ее подлинном трагич-

ме, и во всем ее подлинном героизме. И наконец, в-четвертых, я считаю своим личным долгом во всех случаях, когда я сталкиваюсь с несправедливостями, совершенными сейчас или раньше по отношению к тем или иным участникам войны, сделать все, что от меня зависит, чтобы, прибегая к помощи других людей, исправить подобные несправедливости».

В этой жизненной программе правда о войне поставлена на первое место еще и потому, что

дела каких бы то ни было издательских правовых и нравственных норм. Такова, если можно так выразиться, формальная сторона дела, хотя она тоже не формальная и свидетельствует о той крайней степени неуважения, которая в данном случае проявлено не только к пока еще живому писателю, приславшему эту рукопись и написавшему к ней предисловие, но и к двум, погибшим на фронте, ее авторам.

А теперь — самое главное и личное — мне хочется написать Вам не только как заведующему редакцией поэзии, но и как поэту, написавшему «Суд памяти». Дорогой Егор Александрович, неужели Вам не совестно, что эта книжка двух погибших людей долежала у Вас — пять лет — до дня Победы, почти до дня Победы, не двинувшись с места? Почему Вы не позаботились о том, чтоб она была издана? Почему Вы не встревожились ее судьбой? Где была Ваша память о войне и о людях, погибших на этой войне?

До меня дошли слухи, что причина бесконечного лежания рукописи в издательстве якобы в том, что издательство никак не может сравниться с этим прецедентом — двумя авторами стихов на обложке. Ну, а что прикажете делать, если эти два человека писали и прозу, и стихи не только порознь, но и вместе, и вообще работали больше десятилетия вместе? Почему никто не ставит под сомнение возможности публикации прозы Лапина и Хацревина и ставится под сомнение публикация стихов Лапина и Хацревина? Ведь в эту книгу входят стихи Лапина и поэма его, и переводы, написанные и сделанные отдельно, только им, стихам Хацревина, написанные только Хацревиным, и поэтические вещи, которые они написали вместе. Все это обозначено, все это объяснено в предисловии. Над чем тут мудрить? Неужели для того, чтоб выполнить кем-то выдуманное формальное каноны, надо отдрать одного от другого двух, вместе живших, вместе воевавших и вместе погибших писателей? По-моему, совестно даже думать об этом, не только что говорить. Мертвые тридцать пятый год лежат где-то в земле под Киевом, а книжка их шестой год лежит без движения в их писательском издательстве, в редакции поэзии, которой руководит поэт, написавший поэму «Суд памяти». Убежден, что формальные придиры по этой книге идут не от Вас.

Ничего не знаю — но просто убежден в этом внутренне; убежден и в другом — в том, что в данном случае Вы забыли о своем долге поэта и фронтовика по отношению к этой книге и к памяти этих людей.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин СИМОНОВ.

9.III.75 г.

Р. С. Кстати, о формальных основаниях, якобы затрудняющих выпуск этой книги. В этом же издательстве «Советский писатель» в

момент на страницах «Правды» была опубликована пьеса, в которой резко критиковались наши недостатки ведения войны, критиковались люди, не справлявшиеся на войне со своими обязанностями, — именно это было свидетельством огромной силы нашего строя, нашей уверенности в этих своих силах, нашего мужества перед лицом самых больших испытаний.

С этой точки зрения публикация «Фронта» в «Правде» и тогда, и сейчас мне кажется более принципиально важным событием, чем публикация «Русских людей». И мне думается, что школьники должны знать об этом, помнить, должны чувствовать и понимать, какими революционными силами обладало наше общество в ту годину испытаний, с какой силой оно верило в правду, не страшась самокритики даже в такой момент. Это очень и очень важно.

А кроме того, мне кажется, что фильм о

рались себе объяснить их лучшую сторону. Ну, конечно, авторитет Сталина был для нас громадным авторитетом. А для меня он был особенно большим авторитетом во время войны. Я знал, что в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах были сделаны ужасные вещи, посажено много невинных людей, но старался себе объяснить это так, что все это вышло помимо Сталина, что в этом виноваты Ежов, НКВД и т. д., а Сталин не знал этого. Конечно, я и тогда думал, что на нем лежит часть вины за это, но в то же время считал, что он этого не знал, а когда узнал, то постарался пресечь эти явления. Так я объяснял это себе тогда.

Стихотворение «Суровая годовщина» было написано в тяжелое время — осенью сорок первого года, очень далеко — на самом северном участке фронта. Это были дни, когда шло немецкое наступление на Москву, когда для всех нас было очень важно, что Сталин не эвакуировался, остался в Москве, — это казалось залогом того, что Москва не будет сдана. Вот в то время я и написал стихотворение «Суровая годовщина», написал его от всей души, выразив свое тогдашнее отношение к Сталину.

Когда Сталин умер, я не перечеркнул этого стихотворения, и Вы его можете найти не только в сборниках, вышедших при жизни Сталина, но и, например, в сборнике моих стихов и поэм, вышедшем уже через два года после смерти Сталина, в пятьдесят пятом году.

Но когда во время XX съезда и после него я узнал — постепенно — ту правду о Сталине, которой я раньше не знал, о которой, может быть, в какой-то мере догадывался, но старался оттолкнуть от себя эти мысли, старался не дать себе в них поверить, когда я узнал, как все это обстояло на самом деле, — мое отношение к Сталину резко переменялось. Когда я понял, что Ежов был только исполнителем воли Сталина, когда я понял, что все извращения, все аресты, все суды над десятками и сотнями тысяч невинно осужденных и расстрелянных людей — все это происходило по прямому указанию, с одобрения и по инициативе Сталина, тогда, конечно, я уже не мог относиться к нему, как я относился раньше. И я перестал печатать и читать это стихотворение. И я перестал печатать стихи, которые я любил когда-то, такие стихи, как «Митинг в Канаде» или «Речь моего друга Самела Бургуна», в которых говорилось о Сталине, — о таком, каким я его представлял себе когда-то.

Да, произошла переоценка ценностей. И если бы мы не произвели этой переоценки ценностей, то мы не могли бы с чистой совестью дальше строить коммунизм, идти вперед.

Я не стыжусь того, что я написал когда-то стихи «Суровая годовщина», и я не стыжусь того, что я плакал в ту ночь, когда умер Сталин, от того, что был потрясен этим. И написал стихи в ту же ночь в его память. И этих стихов я не стыжусь; я так в то время чувствовал. Но это не может заставить меня увериться на месте и доказывать, что я тогда был прав, и что Сталин во всех отношениях прекрасный человек, и все, что про него сейчас мы знаем, с этим я не хочу иметь никакого дела, не хочу этого знать. Эта была бы неправильная позиция. Наоборот, я считаю, что люди, которые неправильно в свое время оценивали Сталина, не понимали многих сторон его деятельности — отрицательных, тяжелых, принесших нам трудно исправимые беды, стоивших нам миллионов жизней людей, что люди, которые поняли теперь, как все обстояло в действительности, они обязаны писать о Сталине и об этой эпохе так, как им подсказывает совесть, обязаны рассказать всю ту правду, которую они теперь постепенно узнали.

Вот мой взгляд на вещи, и я не вижу никаких причин ни скрывать того, что я писал раньше, и того, что я думал раньше, ни того, что я думаю сейчас. Я готов написать это в письме любому читателю и готов это сказать, и десятки раз говорил на любых аудиториях. Таких вещей не надо бояться, их нужно объяснять, не прятая от самого себя и рассказывая всю правду, как оно было.

Сталин был очень крупным человеком, очень крупным политическим деятелем. Во время войны он сделал много правильного и хорошего. В то же время, говоря это, надо помнить, что армия, руководящие кадры которой он перебил в тридцать седьмом и в тридцать восьмом году, пришла к войне ослабленной по его вине. Надо помнить, что многие люди, жертвуя жизнью, доносили о том, что немцы вот-вот начнут войну, а он, высокомерно считая, что он все знает, что он непогрешим, не принял во внимание всех этих сигналов, и для нас война в итоге оказалась неожиданным, и это стоило нам миллионов лишних жертв. Эти жертвы лежат на его совести. Потом, в ходе войны, — и это тоже надо знать — он стремился сделать все, чтобы исправить положение, и многое сделал для победы.

Такова правда. Она сложная, она требует сложных и подробных объяснений. Но уклоняться от нее нельзя. Надо говорить все, все стороны дела. Я думаю, это надо говорить и взрослым людям и молодым людям, не боясь давать такие объяснения. Я бы, например, ничего не имел против, если бы Вы прочли это письмо тому школьнику, который с недоумением читал мое стихотворение «Суровая годовщина». Если бы мне пришлось говорить с ним, я бы сказал ему все то же самое, что говорю сейчас Вам.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

Константин СИМОНОВ.

Публикация

Л. ЛАЗАРЕВА.

К. Симонов.

Фото Д. Прокопова.

нелегко она утверждалась, что влиятельных противников у нее было так много, так часто ей противостояла, торжествуя, воинствующая неправда, что у многих опускались руки. Симонов же твердо стоял на своем, веря в торжество исторической правды (разумеется, не только о войне — не может быть исторической памяти от сих до сих).

Отвечая в 1972 году на грустное и растерянное письмо читательницы, которая, столкнувшись в литературе с явными, сознательными искажениями исторической правды о войне, опасалась, что все это наши потомки будут принимать за чистую монету, Симонов писал ей: «Я менее пессимистически настроен, чем Вы, в отношении будущего. Думаю, что правду не спрячешь и история останется подлинной историей, несмотря на различные попытки фальсификации ее — главным образом при помощи умолчаний... Хотелось бы добавить — пожием — увидим, но поскольку речь идет об отдаленных временах, то мы уже не увидим. Однако думаю, что будут верить как раз то, что близко к истине. Человечество никогда не было лишено здравого смысла. Не лишится его и впрямь».

Письма печатаются по копиям, находящимся в архиве К. М. Симонова.

писателях в годы Отечественной войны не может и не должен быть обращен только к русским писателям. В данном случае пьеса «Фронт» и имя Корнейчука представляют в этом фильме, во-первых, украинскую литературу, а, во-вторых, как бы представительствуют за все другие братские литературы, подчеркивая, что за Родину сражались не только русская, но и вся наша многонациональная литература.

По этим двум причинам я, конечно, во-первых, отвергаю саму мысль о возможности замены в этом фильме «Фронта» «Русскими людьми», а, во-вторых, считаю необходимым поставить этот вопрос перед Вами как перед Министром просвещения, потому что считаю этот вопрос принципиальным, политическим вопросом и надеюсь, что Вы лично вмешаетесь в решение этой проблемы.

С товарищеским приветом.

Глубоко уважающий Вас

Константин СИМОНОВ.

25.IV.70.

ШАПАШКОВОЙ

Москва, 18 мая 1964 года.

Дорогая товарищ Шапашкова! Получил и с большим интересом прочел Ваше хорошее письмо. Вас взволновал вопрос с моим стихотворением «Суровая годовщина». Попробую ответить Вам на него.

Я не принадлежал никогда к числу людей, по всякому поводу славословивших Сталина. Когда я недавно готовил к переизданию свои очерки и корреспонденции военного времени, то даже с некоторым удивлением обнаружил, что среди всех них только в двух упоминается его имя. Мне самому казалось даже, что упоминал я его имя чаще. Оказывается, нет. О войне в период жизни Сталина было поставлено три моих фильма — «Нарен из нашего города», «Жди меня» и «Дни и ночи». И вот оказалось, что в противоположность многим другим фильмам эти фильмы можно смотреть и сейчас, ничего в них не исправляя и не вырезая, в то время, как многие другие военные фильмы, такие, как «Падение Берлина», «Клятва», «Сталинградская битва» и так далее смотреть сейчас просто-напросто невозможно.

И повесть свою «Дни и ночи», написанную во время войны, и повесть «Дым отечества», написанную после войны, я переиздаю сейчас, ничего в них не исправляя. В этом нет нужды: хотя в «Днях и ночах» упоминается Сталин, но упоминается он к месту и, я думаю, правильно упоминается, и у меня нет причин вычеркивать это упоминание сейчас.

А теперь о стихотворении «Суровая годовщина». В душе у меня, как, наверное, у многих других людей, были сложные чувства по отношению к Сталину. Многие вызывало недоумение, над многими вещами думали, ста-